

ПРЕДИСЛОВИЕ

О катастрофическом положении в области смертности населения России наслышаны все — как в самой России, так и далеко за ее пределами. Драматический рост смертности, начавшийся со второй половины 80-х годов, и резкие ее колебания в начале 90-х годов, неожиданные даже для многих демографов, заставили говорить об этой проблеме все мировое сообщество: действительно, современных аналогов российской ситуации в области смертности нет. Достаточно напомнить, что в 1994 г. средняя продолжительность жизни составила всего 57,4 года для мужчин и 71 год для женщин. Столь короткая продолжительность жизни — факт небывалый даже для российской демографической ситуации последних десятилетий, не говоря уже об общемировых тенденциях увеличения продолжительности жизни. Признаки некоторого улучшения ситуации в 1995—1996 гг. никак не меняют характера и масштаба проблемы.

Неблагоприятные тенденции вызвали всплеск демографических и социальных исследований, посвященных анализу событий последних 6—7 лет. Однако публикуемый доклад, подготовленный ведущими российскими специалистами в данной области А. Вишневым и В. Школьниковым, стоит в этом ряду особняком.

Многолетний исследовательский опыт авторов в изучении процессов смертности в России и в мире позволил им выйти за рамки драматических событий в нашей стране 90-х годов и показать, что эти события — не эпизодическое и случайное явление, мотивированное социально-экономическими переменами последних лет, а результат затяжного демографического кризиса, который охватывает примерно тридцатилетний период.

Наибольшей ценностью, заставляющей относиться к исследованию А. Вишневого и В. Школьникова с повышенным вниманием, является новый методологический подход к верификации самих процессов смертности. Авторы используют для анализа показатель избыточных смертей, приняв в качестве стандарта для расчетов модель смертности, характерную для некоторых стран Запада.

Нетрудно предположить, что сам по себе научный подход может вызвать возражения, особенно в кругах государственных чиновников, причастных к проблеме: при том гигантском разрыве в объемах инвестиций в здравоохранение, которые могут себе позволить богатые и устойчивые экономические системы и исторически «бедная» Россия на сложном трансформационном этапе, «они нам — не пример». Хочется возразить — пример! Если в отношении большинства жизненных стандартов, характеризующих уровень благосостояния населения, действительно приходится считаться с жестоким, но объективным фактом значительного отставания России от западных стран, то в том, что касается продолжительности жизни и здоровья нации, амбиции «догнать и перегнать» не только уместны и не просто допустимы, они абсолютно нормальны.

Результаты исследования, основанного на анализе избыточной смертности, не могут не впечатлять. Так, общее избыточное число смертей у мужчин в возрасте до 70 лет (а именно мужская сверхсмертность и является основной печальной российской «особенностью») составило в 1995 г. 385 на 1000 смертей во всех возрастах. Это означает, что более трети смертей не мотивированы естественными демографическими факторами, следовательно, они неоправданны, напрасны. Главные причины этих сверхвысоких потерь — ишемическая болезнь сердца, нарушения мозгового кровообращения и так называемые внешние причины — общий класс причин, интегрирующий несчастные случаи, отравления, травматизм, последствия насильственных действий. Зона риска, связанная с

сердечно-сосудистыми заболеваниями, обуславливает 31,2% всех избыточных смертей среди мужского населения России. Избыточная смертность от внешних причин обладает еще большим масштабом — у мужчин она почти на 20% больше, чем от всех сердечно-сосудистых заболеваний. Авторы показывают, что у каждой возрастной группы есть свои причины сверхсмертности и, наоборот, у каждой причины смерти есть свои половозрастные группы риска. Картина смертности имеет в работе также региональное преломление, что позволяет выявить территориальные «адреса» сверхсмертности. В этом свете доклад представляет собой не просто квалифицированное научное исследование, но и документ с ярко выраженным прикладным характером.

Особо прискорбным является, пожалуй, тот факт, что в наиболее спокойных тонах проблема российской смертности обсуждается именно в России. По-видимому, причина тому — низкая цена человеческой жизни и социальная пассивность людей, сформированные предшествующими этапами развития. Российское общество воспринимает информацию «по умолчанию». Исключение составляют экзальтированные спекуляции некоторых политических лидеров, использующих несистемные статистические фрагменты сведений о смертности в конъюнктурно-политических целях. Как правило, эти фрагменты вплетены в националистический контекст в форме тезиса о вымирании и даже геноциде русского народа. Государство же реагирует на развитие ситуации лишь тем, что тема смертности заняла свое место в «черном списке» неблагоприятных социально-экономических процессов последнего десятилетия, традиционно перечисляемых в официальных правительственных документах, и упоминается лишь как негативный фон для реализации макроэкономических реформ. За примерами далеко ходить не надо. Настоящий доклад выполнен при поддержке Международного общественного движения «Медики мира за долголетие» и публикуется в России американской организацией «Фонд Карнеги за Международный Мир» — таковы начало и наиболее вероятный конец его судьбы. Ведь скорее всего скептики и люди, хорошо осведомленные о состоянии государственных финансов, по традиции скажут: «Ну и что? В условиях жестко ограниченных финансовых ресурсов практически ничего нельзя сделать». Представляется, что этой старой традиции можно противопоставить по меньшей мере два контраргумента.

Первое: именно по причине существующих жестких бюджетно-финансовых ограничений выводы исследования А. Вишневого и В. Школьниковых имеют особую ценность, поскольку выделение групп риска помогает сфокусировать усилия, в том числе и финансовые ресурсы, на борьбе с наиболее «смертоносными» факторами, т. е. определить приоритеты действий и придать ограниченному финансированию предельно строгую адресность и целенаправленность.

Второе и, пожалуй, главное: переломить тенденции в смертности на коротком временном отрезке — указом президента или постановлением правительства — действительно невозможно, поскольку их причины, как уже говорилось, ретроспективны; однако без осознания и общественным мнением, и наукой, и структурами государства истинного масштаба проблемы, которую сегодня нельзя квалифицировать иначе как национальное бедствие, трудно ожидать, что общество сможет это бедствие преодолеть. В этом случае Россия обречена на новые демографические и в конечном итоге социально-экономические потрясения.

Экономия сегодня на здравоохранении, государство, кажется, не осознает своих потерь, в том числе и финансово-экономических. Даже оставив в стороне общегуманитарные аспекты, напомним, что сверхсмертность — это потери экономически активного населения, увеличение числа вдов, вдовцов и сирот, рост числа бедных домохозяйств, забот о которых в той или иной форме (пенсии по потере кормильца, пособия по нуждаемости и прочие социальные выплаты) государству все равно не избежать. Результатом является несбалансированный и непосильный рост социальной нагрузки на государство (т. е. на «уцелевшее» трудоспособное население). При сохранении ситуации государство и общество должны будут смириться с растущей зоной бедности в России, которая, как в воронку, засасывает все новые и новые группы населения. Помимо прямого экономического ущерба существует великое множество косвенных, не очевидных на первый взгляд потерь. Например, государство вкладывает значительные финансовые ресурсы в образование граждан, которое те не успевают в полной мере реализовать и вернуть обществу в виде материального или интеллектуального результата, поскольку многих из них смерть настигает еще до окончания трудовой жизни в возрасте 40—60 лет, наиболее продуктивном и высокопроизводительном, в котором восприимчивость человека к новациям эффективно сочетается с опытом и квалификацией. Реальный «вклад» смертности в усугубление социально-экономических проблем, переживаемых Россией, в полном объеме еще только предстоит оценить.

И все же главная аргументация лежит даже не в плоскости финансовых неудобств и материального ущерба в результате сверхвысокой смертности населения. Сам имидж экономически процветающей (в неопределенном будущем!) державы, в которой у мужского населения шансов дожить

даже до пенсии не слишком много и большинство женщин обречены на вдовство, а дети — на сиротство, значительно блекнет. Преодолеть этот порочный круг можно лишь тогда, когда общество и государство осознают, что население — это не только демографический «фактор-фон» для экономической реформы и не только активный экономический субъект, человеческий фактор и трудовой ресурс, обладающий к тому же инвестиционными потенциями и пр. Благополучие населения измеряется не отдельными социально-экономическими параметрами уровня и качества жизни, динамикой и объемом денежных доходов и т. д., но, может быть, еще в большей мере продолжительностью жизни и состоянием здоровья нации. В этом контексте российская сверхсмертность — та глобальная демографическая, социально-экономическая и в конечном счете геополитическая проблема, на фоне которой большинство прочих представляются не более чем частностями. Именно этот вывод, вероятно, сделает внимательный читатель настоящей публикации, которая представляет собой не только высокопрофессиональное исследование, но и серьезный вклад демографической науки в борьбу с российской смертностью. Доклад не содержит строго выверенного плана-графика реализации тех или иных здравоохранительных и социальных мероприятий, однако, публикуя его, мы выражаем уверенность, что библейские слова «ищущий да обрящет» помогут увидеть за беспристрастной аналитикой те шаги, которые необходимо предпринять сегодня для того, чтобы предотвратить избыточные смерти завтра.

Татьяна МАЛЕВА,
старший научный сотрудник Московского Центра Карнеги